

АВТОРСКИЕ
ВЕЧЕРА

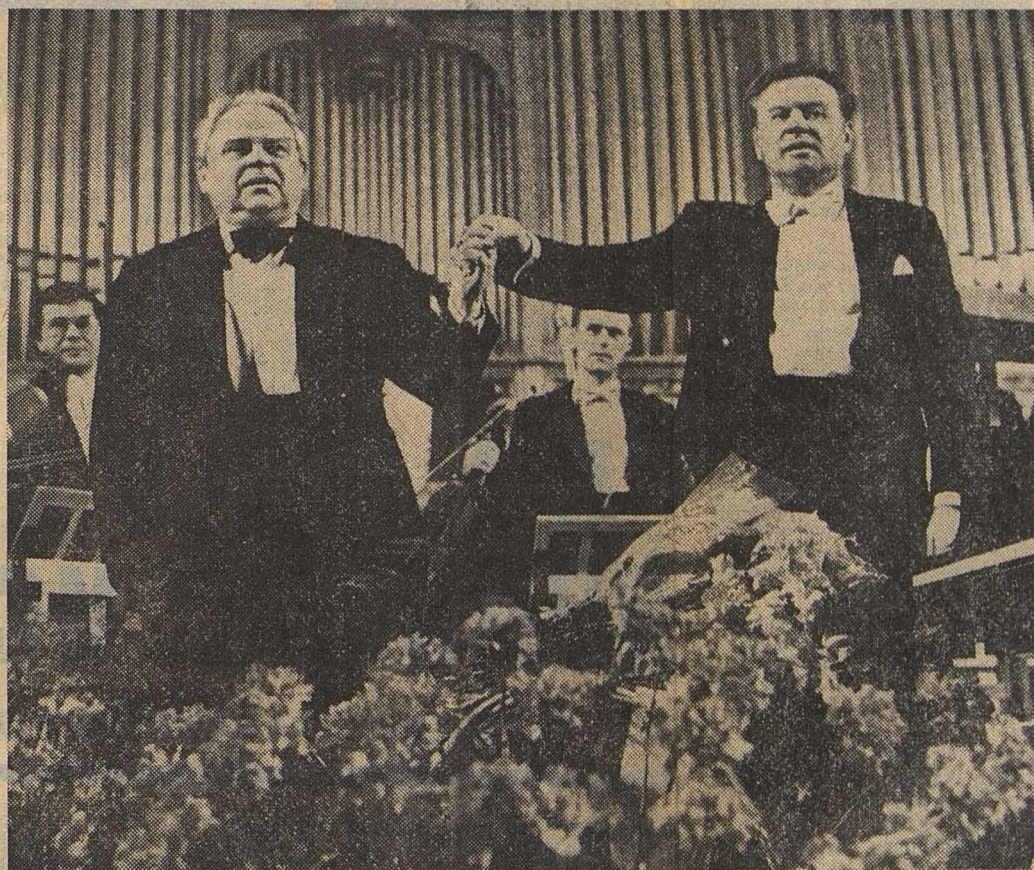
МУДРОСТЬ ПРОСТОТЫ

ПРЕМЬЕРА Первой симфонии Т. Хренникова состоялась в Большом зале Московской консерватории почти пятьдесят лет назад. И вот она снова звучит здесь, открывая авторский концерт композитора. Было необычайно волнительно услышать ее вновь, тем более что в программе вечера значилась премьера только что законченного Третьего концерта для фортепиано с оркестром. Особая атмосфера значительности и серьезности авторского вечера, его праздничная приподнятость, может быть, прежде всего ощущалась в этом знаменательном соединении времен...

Первая симфония была дипломной работой композитора, и защита ее стала столь блистательной, что имя двадцатидвухлетнего автора было записано золотыми буквами на мраморной консерваторской доске наряду с выдающимися музыкантами. Первая симфония стала подлинной сенсацией. Талант, самобытный почерк, свежесть, подлинное новаторство привлекли к ней внимание не только корифеев советского дирижерского искусства, но и таких мастеров, как Леопольд Стоковский, Вилли Ферреро, Шарль Мюнш, Юджин Орманди и многих других. Ее победное шествие по музыкальным эстрадам мира сразу сделало известным имя молодого советского музыканта, заставило заговорить о нем.

...И вот снова знакомые и волнующие звуки симфонии, голос фагота, начинающий ее, нежный и задушевный и в то же время чуть-чуть ироничный, готовый к юмору, улыбке. Исполнял симфонию Государственный академический симфонический оркестр Союза ССР под руководством Е. Светланова, верного и проникновенного интерпретатора музыки Т. Хренникова. Удивительно свежо и полнокровно прозвучала она в этот вечер. Тревога и импульсивность первой части вначале только едва ощущались в оркестре, но постепенно, словно не в силах сдерживать ее, дирижер выпускает наконец эту силу из «брони непроницаемости», и она, получив свободу, устремляется сверкающим, неудержимым потоком. В такие моменты особенно остро было полное единение композитора и исполнителя, которое одно только и может дать иллюзию импровизационности, музыки, рождающейся у нас на глазах, — ее мягкой лиричности и взрывчатой динамики, подлинного вихря неукротимой энергии, возникающего в финале. И как важно было в нем, в этом вихре, почувствовать и выделить нежный, хрупкий образ-воспоминание и затем дать этой мимолетности новый импульс развития, новый невиданный виток постепенного грандиозного нарастания и, наконец, поставить драматически-напряженную точку финала.

Талантливое произведение искусства не подвластно времени, и сегодня, как и много лет назад, ощущалась значительность и серьезность замысла Первой симфонии, стремление выразить в музыке все то, что волнует человека, раскрыть богатство его внутреннего мира, сложность его отношений с окружаю-



щей действительностью и рассказать об этом предельно просто. Как-то в одной из бесед композитор очень точно определил свое творческое кредо, «сверхзадачу» искусства — запечатлеть в музыке свежие звуковые приметы нашего удивительного времени, подметить и передать в звуках то новое, что рождается в жизни нашего народа.

Со дня создания Первой симфонии прошло немало лет, пройден огромный творческий путь, написаны новые симфонии, инструментальные сочинения, оперы, балеты, оперетты, музыка к театральным постановкам, кинофильмам, песни... Но неизменными остались принципы творчества, убежденность, гражданская позиция художника. Неизменна: его музыка — живая, полнокровная, наполненная интонациями и ритмами сегодняшнего дня, неизменно простая.

ПОНЯТИЕ демократизма в искусстве, его доступности неотделимо от простоты — этого великого мерила таланта. В свое время Лев Толстой глубоко и в то же время остроумно высказал мысль, которую невольно вспоминаешь порой, слушая то или иное сочинение. Вот она: «Сказать, что произведение искусства хорошо, но непонятно, все равно, что сказать про какую-нибудь пиццу, что она очень хороша, но люди ее есть не могут». Великий писатель считал подобные оправдания «непонятных» произведений не только несправедливыми, но и «пагубными», нарушающими одно из важнейших свойств искусства, призванного быть средством общения людей.

Удивительная простота и общительность заключены в каждом сочинении Т. Хренникова, и его Третий концерт еще раз убеждает в этом. Кажется, что сочинение обращено не просто к слушателям вообще, а к каждому сидящему в зале. Невозмож-

но не вслушаться, не воспринять начало концерта — глубокий, проникновенный голос рояля, словно начинающего рассказ, переходящий во взволнованную исповедь о сложностях человеческой судьбы, радостных и горестных минутах нашей жизни, ее напряженных драматических кульминациях, о неоправимости ошибок и необходимости доброты и мудрости. Удивителен финал концерта — его неожиданная энергия взрывает покой и созерцательность, неудержимо устремляясь вновь к новым радостям и испытаниям.

Т. Хренников — мастер инструментального жанра. Его концертам всегда свойственно совершенное постижение крупной формы, гармоничное соотношение частей. Третий концерт воплотил лучшие черты стиля композитора, словно обобщил их. Концентрация мысли предельна и лаконична по средствам выражения. Сочинение содержит много интересных находок, своеобразных открытий. Удивительно красива и поэтична вторая часть концерта, основанная на ритме медленного вальса. Эта бытовая форма музицирования (она впервые использована в сочинении подобного рода) придает музыке черты особой задушевности и взволнованности, не нарушая общей масштабности замысла, широты дыхания всей партитуры. Развернутые тематические построения, динамические репризы, взволнованность «диалога» фортепиано с оркестром — все пронизано ясностью мысли, сквозным драматургическим развитием, прочно сценировано целостностью формы. Оркестровое мастерство Т. Хренникова проявилось здесь в полном блеске. Блистательны мощные «тутти» и тончайшие пианиссимо, изящны и легки «связки» между фортепиано и оркестром. Мастерство построения сложной формы выразилось в создании мощного потока взволно-

ванных чувств, неумолимо двигающихся к кульминации, к грандиозному звучанию развязки, воссоединившей, наконец, все лейтгармонии. Партитуру фортепиано блистательно исполнил Т. Хренников. Его пианизм глубокий и содержательный. И в этом он верен заветам своего учителя Г. Нейгауза. Концерт содержит много поистине виртуозных эпизодов. Но как у Хренникова-композитора они никогда не являются самоцелью, эффектной краской, а рождены необходимостью развития музыкальной мысли, так и у Хренникова-пианиста эти эпизоды не нарушили общей музыкальной ткани. Яркость, виртуозность, поразительная темпераментность исполнения придали звучанию концерта яркость, праздничность, необходимый блеск. Исполнение Третьего концерта для фортепиано с оркестром автором и Государственным симфоническим оркестром под управлением Е. Светланова имело истинный успех, и вторая часть концерта была повторена на «бис».

ЕСЛИ искать истоки таланта, а они несомненно есть у каждого художника, иначе прервалась бы связь времен, живительная для развития искусства, то среди более близких композитору по своим чертам и особенностям, по своему мироощущению на авторском вечере невольно вспомнились два имени — Чайковский и Прокофьев. Чайковский — по своей искренности, природному мелодизму. Действительно, каждая пора музыкальной ткани Хренникова пропитана мелодиями. Они щедро одухотворяют и его крупную симфоническую форму, и простую песню.

Поток мелодий, которыми были наполнены сочинения, прозвучавшие в концерте (особенно лирические страницы Первой симфонии, Тре-

тьего фортепианного концерта, Первого скрипичного, фрагменты из сюиты балета), словно вобрали в себя истинно русскую мягкость природы, шелковистость ее трав, тишину озер, покой пейзажа, широту дыхания степных просторов. Имя Чайковского вспомнилось еще и потому, что в творчестве Т. Хренникова есть то счастливое соединение равновесия между исканием новых путей и инстинктивной преданностью классической традиции, которое дает художнику силы на самые смелые новшества, на самые смелые завоевания. Эти новшества в русле классических традиций, в опоре на них делают творчество Хренникова необычайно близким к Прокофьеву, к его энергии, пульсации ритма, упругости музыкальной ткани, неожиданности и смелости в поисках формы, к лирике «как источнику чистой ключевой воды» без расслабленности и сентиментализма, к торжеству театральности.

Высокий творческий тонус авторского вечера был в немалой степени основан на блистательном исполнительском мастерстве музыкантов, принимавших в нем участие. Сенсацией явилось выступление одиннадцатилетнего скрипача Вадика Репина, ученика пятого класса средней специальной музыкальной школы при Новосибирской консерватории (класс доцента З. Брона), завоевавшего в прошлом году первую премию на Международном конкурсе имени Г. Венявского. Вадик Репин исполнил Первый концерт для скрипки с оркестром, произведение высочайшей технической трудности. Этот концерт Хренников посвятил выдающемуся скрипачу нашего времени Леониду Когану. Казалось просто невероятным, с какой легкостью юный музыкант преодолевал все трудности партитуры, ее виртуозные пассажи. Не менее удивительным было его поистине органическое слияние с оркестром. Публика тепло приветствовала одаренного скрипача, повторившего на «бис» финал концерта.

С большим подъемом сыграл Государственный академический оркестр СССР заключившую вечер сюиту Т. Хренникова из балета «Любовью за любовь». Это было подлинное пиршество красок. Знакомые и любимые мелодии, одетые в сверкающий оркестровый наряд, прозвучали празднично и ярко. Оркестр под управлением Е. Светланова еще раз убедительно доказал, что он находится в прекрасной профессиональной форме. Слитный музыкальный организм был потрясюще гибок и един, чутко откликаясь на малейшее движение дирижерской палочки, достигая подлинных открытий в красоте и силе звучности, тончайших нюансах.

Авторский вечер Т. Хренникова прошел с подлинным успехом и стал праздником нашей музыкальной культуры.

А. ДАШИЧЕВА.

● Т. Хренников и Е. Светланов после концерта.

Фото В. Сергеева.